Примат и соборность с православной точки зрения

Доклад, произнесенный митрополитом Волоколамским Иларионом в Свято-Владимирской духовной семинарии 8 ноября 2014 года.

Ваше Блаженство,

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства,

досточтимые отцы, братья и сестры,

высокие гости!

Сегодня я хотел бы поговорить о соборности и примате. Эта тема в последние годы приобрела особую актуальность благодаря работе Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу между Православной Церковью и Римско-Католической Церковью. Вопрос этот представляет важность и для межправославных отношений, особенно в контексте подготовки к Великому и Святому Собору Православной Церкви. Особенно же он актуален в свете того, как сейчас в Православной Церкви осуществляется первенство на вселенском уровне. В результате сложившейся ситуации иерархи и богословы Православной Церкви в Америке не принимают участия ни в православно-католическом диалоге, ни в подготовке к Всеправославному Собору.

Позвольте мне начать с разъяснения используемых терминов. Английский термин *synodality*, или *conciliarity*, является переводом русского слова «соборность», которое, в свою очередь, представляет собой неологизм XIX в., созданный славянофилами Киреевским и Хомяковым для обозначения общения верующих всего мира в лоне единой Церкви. В общении этом принимают участие и живые, и мертвые. Согласно Киреевскому, «вся совокупность христиан всех веков, настоящего и прошедших, составляет одно неделимое, вечно для нее живущее собрание верных, связанных единством сознания столько же, сколько общением молитвы»[1].

В более узком значении термин «соборность» происходит от слова «собор, совет» (*synodos* по-гречески, *concilium* по-латыни) и означает «собрание епископов, несущих определенную ответственность». Так объясняет этот термин спорный Равеннский документ Смешанной комиссии по православно-католическому диалогу[2]. В документе утверждается, что «соборный аспект жизни церкви является частью ее глубинной природы» и «находится на трех уровнях церковного общения – местном, региональном и вселенском: на местном уровне епархии он вверен епископу,

на региональном – группе поместных церквей с их епископами, которые "признают первого среди них" (Апостольское правило 34), и на вселенском уровне, где первые (*protoi*) в различных регионах вместе со всеми епископами соработают в том, что касается церковной полноты. И на этом уровне *protoi* должны признавать первого среди них»[3].

Термин «первенство» в этом контексте указывает на лидерство одного человека, имеющего определенный иерархический ранг на каждом из трех вышеупомянутых уровней. В Равеннском документе утверждается, что «первенство и соборность взаимозависимы»[4]. Согласно этому документу, «в истории Востока и Запада, по крайней мере до IX века, признавался ряд прерогатив – всегда в контексте соборности в соответствии с условиями времени для протоса или главы на каждом установленном церковном уровне: на местном для епископа как протоса своей епархии по отношению к своим пресвитерам и народу; на региональном уровне для протоса каждой митрополии по отношению к епископам своей провинции, и для протоса каждого из пяти патриархатов в отношении митрополитов каждого округа; и на вселенском уровне для епископа Римского как протоса среди патриархов»[5].

В Равеннском документе нет упоминаний о различиях в экклезиологии между православными и католиками; в этом отношении документ вводит читателей в заблуждение. В тексте говорится о том, как с точки зрения управления организована Церковь в западной и восточной традициях, однако не упоминается о том, что мы имеем дело с двумя разными моделями церковного управления: централизованной, основанной на понимании вселенской юрисдикции папы, и децентрализованной, основанной на понятии общения автокефальных поместных Церквей.

В Равеннском документе делается попытка представить церковные структуры двух традиций как практически идентичные на всех трех уровнях. Если на местном (епархиальном) уровне действительно существует много сходных черт, то в том, как церковные структуры формируются на региональном и вселенском уровнях, между Востоком и Западом существует огромная разница. В православной традиции на региональном уровне, или скорее на уровне автокефальной Церкви, есть синод и предстоятель, обладающие ясными прерогативами. В Католической Церкви примата на региональном уровне нет. Кто, например, является первенствующим в Католической Церкви в Польше? Митрополит Гнезненский, который носит почетный титул «примаса», однако не исполняет никаких функций примаса? Или председатель Епископской конференции, который сменяется каждые четыре года? Возможно, это один из старейших кардиналов? Появившиеся сравнительно недавно католические Епископские конференции лишь с большой натяжкой можно сравнивать с Синодами Поместных Православных Церквей.

По сути, в Католической Церкви есть лишь один примат – примат папы. Предполагается, что этот примат установлен *jure divino* и восходит непосредственно к примату св. апостола Петра в

коллегии апостолов. Именно папа утверждает решения соборов, как региональных, так и вселенских, дает согласие на каждое назначение епископа и является воплощением полноты церковной власти. Никогда такого рода примата не существовало в православной традиции: в ней лишь существует установленный порядок (диптих), в соответствии с которым один из предстоятелей занимает первенствующее положение.

Ни одно из этих очевидных различий не упомянуто в Равеннском документе, принятом в 2007 г. не на основании консенсуса и в отсутствие делегации Русской Православной Церкви. Документ не учел критических замечаний, которые представители Московского Патриархата высказывали в ходе диалога при подготовке текста. После заседания в Равенне Смешанная комиссия по православно-католическому диалогу продолжила изучение темы соборности и примата на пленарных заседаниях в Вене в 2010 г. и в Аммане в 2014 г., а также в ходе нескольких встреч Координационного и Редакционного комитетов в период с 2008 по 2013 г. Посвятив этому вопросу семь лет, Комиссия так пока и не смогла представить документ, который удовлетворил бы всех ее членов.

Комиссия пыталась подойти к вопросу о первенстве как с исторической, так и с богословской точек зрения. В частности, была сделана попытка рассмотреть вопрос о примате в контексте тринитарного богословия. Утверждалось, что Святая Троица является образом и примата, и соборности, так как в ней есть и монархия Бога Отца, и общение трех Божественных Лиц: Отца, Сына и Святого Духа. Некоторые богословы зашли так далеко, что настаивали на существовании «иерархии» среди трех Лиц. Поддержку своим идеям они нашли в отдельных отрывках из творений свт. Василия Великого, который говорит о *taxis* (порядке) внутри Троицы. Утверждалось, что этот порядок, или иерархия, должен отражаться и в административной структуре Церкви на трех уровнях: местном, региональном и вселенском.

Когда речь шла о местном уровне, ссылались на труды св. Игнатия Атиохийского, в которых он якобы подтверждает эти идеи. Так, в известном отрывке говорится: «Все последуйте епископу, как Иисус Христос — Отцу, а пресвитерству, как апостолам. Дьяконов же почитайте как заповедь Божью»[6]. Епархиальный епископ сравнивается с Богом Отцом, и св. Игнатий Богоносец призывает верующих быть послушными епископу подобно тому, как Иисус был послушен Своему Отцу. Однако основная идея св. Игнатия Антиохийского явно не относилась к области богословских размышлений, и он не пытался перенести тринитарную модель на местный уровень церковного управления (в этом отрывке нет упоминания о Святом Духе). Его волновал вопрос церковного порядка, и он настаивал на том, что епископ занимает центральное положение в местной церкви.

Сравнение с тринитарной моделью становится еще менее убедительным, когда мы переходим от

епархиального уровня к тому, что Равеннский документ называет «региональным уровнем» (группе епархий под управлением одного митрополита или патриарха). Взаимодействие митрополита (или патриарха) и его собратьев-епископов описывается в 34-м Апостольском правиле: «Епископам всякого народа (*ethnos*) подобает знать первого (*protos*) в них, и признавать его как главу (*kephale*), и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения (*gnome*): творить же каждому только то, что касается до его епархии (*paroikia*) и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый (*protos*) ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо так будет единомыслие (*homonoia*), и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец, Сын и Святой Дух».

Некоторые на основании этого славословия Троицы доказывали, что административная структура Церкви на региональном уровне тоже отражает (или должна отражать) общение между божественными Лицами Троицы. Текст этого правила, однако, вовсе не допускает такого сравнения: скорее, речь идет о согласии, или гармонии, которая царит между тремя Ипостасями Троицы, Которая выступает здесь в качестве примера, которому должны следовать епископы на региональном уровне. Что касается самого восхваления Троицы, то оно похоже на многие другие хвалебные гимны, которыми завершаются канонические, догматические и литургические тексты, и, конечно, не предназначалось для того, чтобы проводить прямые параллели между Ипостасями Святой Троицы и рангами церковной иерархии.

В XV в. великий реформатор монашества преп. Сергий Радонежский посвятил основанный им монастырь Святой Троице, используя образ общения трех божественных Ипостасей в качестве модели единства и согласия для своего монашеского братства. Один из учеников Сергия Радонежского, преп. Андрей Рублев, написал знаменитую икону, ставшую классическим примером иконографического воплощения важного нравственно-богословского понятия. В отличие от большинства других икон, этот образ не имеет отношения к литургической гимнографии. Изображение следует традиционной схеме, известной с древних времен (в частности, со времени создания в V в. мозаик в Равенне), согласно которой три путника, явившиеся Аврааму, символизируют Святую Троицу и изображаются в виде Ангелов, один из которых всегда помещается в центре композиции.

В более ранней иконографии сидящий в центре Ангел обычно ассоциировался с Богом Сыном, в то время как в двух других фигурах видели сопровождавших Его Ангелов. На иконе Рублева центральная фигура тоже, вероятнее всего, отождествляется с Богом Сыном, однако две другие фигуры, как представляется, символизируют два других Лица Троицы. Современные ученые расходятся во мнениях относительно центральной фигуры: некоторые склонны отождествлять ее с Отцом, основываясь на предположении о том, что первое Лицо Троицы должно занимать центральное место в композиции.

Мне кажется, что преп. Андрей Рублев намеренно не разъясняет нам, какая фигура символизирует какое Лицо Троицы. Его икона удивительным образом раскрывает тайну триединства, не вдаваясь при этом в детали. На этой прекрасной иконе изображено согласие Лиц Святой Троицы, а не «структура» Триединого Бога, Который, будучи простым и неделимым, несомненно, внутри Себя не имеет ни структуры, ни делений.

Соборность, существующая в Церкви и особенно выражающаяся в институте синодов или соборов, действительно сравнима с гармонией и согласием, царящими в общении между Лицами Святой Троицы. Не следует, однако, идти дальше в попытках провести параллели между человеческими церковными структурами и божественным тринитарным общением. Не должно также объяснять взаимосвязь между приматом и соборностью в Церкви, используя тринитарные аналогии и в связи с этим ссылаться на «первенство» Отца в отношении Сына и Святого Духа.

В Равеннском документе говорится о трех уровнях церковного управления и подразумевается, что то, что верно для одного уровня, может быть автоматически перенесено на другой. Однако это весьма спорно. Именно смешение трех уровней церковного управления в Равеннском документе, а также попытка применить доводы, справедливые для одного уровня, к другому, побудили Синодальную библейско-богословскую комиссию Московского Патриархата предпринять тщательное исследование вопроса о первенстве во Вселенской Церкви. Результатом этого исследования стал документ, принятый Священным Синодом Русской Православной Церкви на заседании 26 декабря 2013 г.[7]

В начале документа указывается, что первенство на каждом из трех уровней Церкви имеет различные источники. Источником первенства епископа в своей епархии является апостольское преемство, сообщаемое через хиротонию. Источником первенства на уровне региональных групп епархий является «избрание первенствующего епископа Собором (или Синодом), обладающим полнотой церковной власти». На вселенском уровне существует первенство чести, основанное на священных диптихах, т.е. существует официальный порядок Церквей, установленный Вселенскими Соборами[8].

Кроме того, в Московском документе говорится о том, что первенство на трех уровнях Церкви имеет разную природу. Первенство епископа в своей епархии имеет под собой твердые богословские основания, такие как приведенный далее известный принцип, на который указывал св. Киприан Карфагенский: «Епископ в Церкви, и Церковь в епископе, и кто не с епископом, тот не в Церкви»[9]. Первенство на региональном уровне – вопрос канонического удобства – основано на церковных канонах, особенно на приведенном выше 34-м Апостольском правиле. Что касается «вселенского первенства», то нет такого канонического правила или такого святоотеческого текста, которые описывали бы его[10]. Есть лишь каноны, которые устанавливают *taxis* (порядок) для

пяти главных патриархатов. Этот *taxis* подразумевает, что один из них будет первенствующим, однако не указывает его прерогатив по отношению к оставшимся четырем патриархам.

На основании этих соображений составители Московского документа настаивают на том, что «функции первенствующего на разных уровнях не тождественны и не могут переноситься с одного уровня на другой». В документе объясняется, что «перенесение функций служения первенства с уровня епископии на вселенский уровень, по существу, означает признание особого вида служения — «вселенского архиерея», обладающего учительной и административной властью во всей Вселенской Церкви. Таковое признание, упраздняя сакраментальное равенство епископата, приводит к появлению юрисдикции вселенского первоиерарха, о которой ничего не говорят ни священные каноны, ни святоотеческое предание»[11].

Далее в Московском документе говорится о том, что «порядок диптихов исторически менялся. В течение первого тысячелетия церковной истории первенство чести принадлежало Римской кафедре. После разрыва евхаристического общения между Римом и Константинополем в середине XI века первенство в Православной Церкви перешло к следующей в порядке диптиха кафедре — Константинопольской. С тех пор вплоть до настоящего времени первенство чести в Православной Церкви на вселенском уровне принадлежит Патриарху Константинопольскому как первому среди равных Предстоятелей Поместных Православных Церквей»[12].

Некоторые православные богословы оспаривают это утверждение, ссылаясь на то, что 28-е правило Халкидонского собора, на котором основывается первенство Константинопольского Патриарха, не говорит о нем как о «втором после» Римского епископа, а скорее признает его «равным» последнему. Означает ли это, что во Вселенской Церкви в первом тысячелетии существовало какое-то двойное первенство, что было два папы – один для Запада и другой для Востока? Византийские источники говорят нам только о существовании пентархии. Согласно этой концепции, официально поддержанной императором Юстинианом, вся экумена («вселенная») разделена на пять патриархатов с равными правами и привилегиями. Это равенство нашло свое отражение во Вселенских Соборах и выражалось различными способами: в том, как проводились обсуждения, принимались решения, подписывались постановления.

Некоторые считают само собой разумеющимся, что соборность столь тесно связана с приматом, что синода без первенствующего быть не может. Однако если говорить о практике первого тысячелетия, то в полной мере это можно отнести лишь к региональному уровню. Действительно, на этом уровне был митрополит, который председательствовал на соборе, и ни один собор не мог состояться без его председательства (если только собор не созывался для того, чтобы низложить митрополита; в этом случае место председателя занимал один из старейших епископов). Что касается епархиального уровня, то на этом уровне не было ни соборов, ни синодов, потому что все

соборы периода древней Церкви представляли собой собрания епископов и в каждой епархии был лишь один епископ.

Но что происходило на вселенском уровне? Как примат и соборность осуществлялись на Вселенских Соборах? Созывались они императором, в присутствии которого проводились лишь отдельные заседания некоторых Соборов. Является ли это осуществлением первенства, которое можно объяснить в церковных терминах, или император лишь способствовал проведению дискуссий, дабы удостовериться, что участники соблюдают должный порядок? (протоколы заседаний Вселенских Соборов, между прочим, свидетельствуют о том, что временами обсуждения были весьма острыми и проходили в атмосфере враждебности, так что какое-то посредничество светских лиц между сторонами было иной раз необходимо).

Некоторые поддерживают мнение о том, что Константинопольский Патриарх председательствовал на Вселенских Соборах. Если это и верно применительно к некоторым Соборам, то, конечно, это неверно применительно ко всем Соборам. Например, на II Вселенском Соборе должность председателя перешла от Мелетия Антиохийского к Григорию Константинопольскому, а затем к Нектарию Константинопольскому. На III Вселенском соборе ведущая роль принадлежала свт. Кириллу Александрийскому, так как Несторий Константинопольский был низложен. В ходе четырех следующих Соборов Константинопольские Патриархи действительно играли лидирующую роль. Однако не явилось ли это следствием того, что эти Соборы проходили в Константинополе или в городах, находившихся под юрисдикцией Константинопольского Патриарха (Халкидон, Никея)? Не происходило ли так потому, что Константинополь был столицей империи и император, который созывал соборы, жил там? Кто председательствовал бы на Вселенском Соборе, если бы он проходил в Риме, Александрии или где-то еще?

Утверждать, что, начиная с IV века, лишь Константинопольские Патриархи председательствовали на Вселенских Соборах, потому что они были вторыми в *taxis* после Римского епископа, – значит развивать мысль о том, что если бы Римский епископ присутствовал на Соборах, он исполнял бы обязанности председателя. Ряд богословов настаивают на том, что так всё и было бы, независимо от того, где проводился бы такой Собор, в Константинополе или Риме. Был, однако, случай, когда папа физически находился в Константинополе во время проведения Вселенского Собора: император Юстиниан вызвал Папу Вигилия в столицу Византии. Однако вместо того чтобы председательствовать на V Соборе, Папа провел всё время под домашним арестом.

На заседании, проходившем в Аммане (Иордания) в сентябре 2014 г., члены Смешанной богословской комиссии по православно-католическому диалогу размышляли о прерогативах Римского епископа как *primus inter pares* в первом тысячелетии для того, чтобы установить,

каковы могли бы быть его прерогативы в гипотетическом случае восстановления полноты общения между Востоком и Западом. Некоторые доказывали, что в подобной ситуации Римский епископ должен был бы быть наделен правом созывать Вселенские Соборы и председательствовать на них. Кроме того, когда предстоятели автокефальных Церквей собирались бы вместе для совершения литургии, он возглавлял бы Евхаристию. Некоторым членам Комиссии казалось очевидным, что подобные прерогативы являются следствием его примата чести на вселенском уровне. Однако история древней Церкви не дает оснований для подобных утверждений. Как мы видели, не было ни одного случая, когда папа председательствовал бы на Вселенском Соборе. Не было также и такого случая, чтобы папа совершал Евхаристию совместно с Восточными Патриархами и при этом возглавлял бы служение литургии.

На протяжении второго тысячелетия вопрос о первенстве во Вселенской Церкви вызывал разногласия между православными и католиками. В полемике с католиками православные обычно настаивали на том, что во Вселенской Церкви не может быть видимого главы, потому что Сам Христос является Главой Тела Церкви. Я не буду цитировать многочисленные высказывания по этому вопросу, так как они хорошо известны.

Некоторые православные богословы XX столетия, однако, опровергали эту точку зрения. Покойный ректор этой семинарии о. Александр Шмеман полагал, что «если Церковь представляет собой вселенский организм, то во главе ее должен стоять вселенский епископ как средоточие ее единства и орган верховной власти. Популярная в православной апологетике идея о том, что Церковь не может иметь видимого главы, потому что Христос является ее невидимым главой, абсурдна с точки зрения богословия»[13].

Однако оценка текущего состояния православно-католического диалога ясно показывает, что большинство православных представителей, скорее, поддерживают тысячелетнюю полемику против папизма, чем взгляды, высказанные о. Александром. На протяжении последних пятидесяти лет мысль о том, что Вселенской Церкви необходим верховный архиерей, рассматривалась с разных точек зрения, однако православные неизменно приходят к консенсусу относительно того, что примат в том виде, в каком он представлен в западной традиции, был и остается чуждым Востоку. Другими словами, православные не готовы принять папизм ни в какой его форме, даже несмотря на то, что раздаются разные голоса, призывающие к созданию более централизованной структуры на вселенском уровне.

Какой же вселенский примат, в таком случае, является приемлемым для православных, и как в отсутствие Римского епископа в Православной Церкви осуществляется первенство? Официальная позиция Московского Патриархата по этому вопросу выражена довольно лаконично: «Первенство во Вселенской Православной Церкви, являющееся по самой своей

природе первенством чести, а не власти, имеет большое значение для православного свидетельства в современном мире. Константинопольская патриаршая кафедра обладает первенством чести на основании священных диптихов, признаваемых всеми Поместными Православными Церквами. Содержательное же наполнение этого первенства определяется консенсусом Поместных Православных Церквей, выраженным, в частности, на всеправославных совещаниях по подготовке Святого и Великого Собора Православной Церкви. Осуществляя свое первенство, Предстоятель Константинопольской Церкви может выступать с инициативами общеправославного масштаба, а также обращаться к внешнему миру от имени всей православной полноты при условии, что он уполномочен на это всеми Поместными Православными Церквами»[14].

После того, как этот документ был опубликован, он вызвал эмоциональную реакцию со стороны отдельных православных иерархов. Так, митрополит Прусский Элпидофор написал статью, озаглавленную «*Primus sine paribus*». В ней он подверг критике Московский документ за то, что в нем примат якобы превращается «во что-то внешнее и потому чуждое лицу первоиерарха». Вместо этого он предложил считать, что любому церковному институту присуща «ипостазируемость личности» и что источником первенства на всех трех уровнях церковной организации является сам первоиерарх[15]. Впервые православный архиерей открыто заявил о том, что Вселенский Патриарх является не *primus inter pares*, а *primus sine paribus*, т.е., подобно папе на Западе, Вселенский Патриарх вознесен над всеми остальными предстоятелями Поместных Православных Церквей. Это, несомненно, представляется попыткой насадить римско-католическую экклезиологию на православную почву.

Комментарии в отношении Вселенского Патриарха, представленные в Московском документе, не носят характера богословских заявлений. Не являются они и исчерпывающим описанием прав и прерогатив «первого среди равных» в православной традиции. Скорее, это скромные попытки представить текущую ситуацию во вселенском православии. Ключевым в документе является слово «консенсус», которое означает согласие всех Православных Церквей относительно определенных прерогатив, возложенных на Константинопольского Патриарха как первого среди предстоятелей. Прерогативы эти не богословского характера и не возлагаются, так сказать, автоматически на Патриарший престол Нового Рима. Наоборот, они возникают из согласия Православных Церквей, основанного, в частности, на решениях Всеправославных конференций, проходивших в период с 1960-х по 1980-е гг. в целях подготовки к Святому и Великому Собору Православной Церкви.

Как вы все знаете, подготовка к этому Собору продолжается уже более полувека, и лишь в марте 2014 г. Предстоятели Православных Церквей решили ускорить этот процесс для того, чтобы Собор мог состояться в 2016 г., при условии, что не возникнут никакие непредвиденные препятствия. Было согласовано, что Вселенский Патриарх займет центральное место в

президиуме Собора. Вокруг него, справа и слева, разместятся, в соответствии с диптихами, его собратья-предстоятели. Видимый образ Собора будет отражать православную экклезиологию и будет контрастировать с образом Собора Римско-Католической Церкви, в ходе которого папа восседает на специальном троне, отделенный от других епископов.

Крайне важно, что решения на Всеправославном Соборе будут приниматься на основании консенсуса, а не голосованием, и что утверждать их будет все собрание епископов, а не один «вселенский примас». Это еще раз указывает на принципиальное отличие между православным и католическим пониманием соборности и примата. Католическая экклезиология предполагает, что примат на вселенском уровне стоит выше, чем соборность, потому что именно папа утверждает решения собора (синода); без его утверждения ни одно из постановлений собора не может считаться законным. Для православных соборность выше примата, так как предстоятель подчиняется собору. На региональном уровне есть один предстоятель, который и подчиняется, и подотчетен региональному синоду, даже несмотря на то, что он созывает его и председательствует на нем. На вселенском уровне есть собрание предстоятелей, которое подотчетно остальным епископам. Первенствующий в этом собрании созывает Собор и председательствует на нем, однако делает это вместе с другими равными ему предстоятелями.

Практика осуществления первенства в Православной Церкви на вселенском уровне продолжает оставаться вопросом для размышлений среди православных богословов. Процесс подготовки к Собору выявил определенные различия между автокефальными Церквами в понимании содержательного наполнения этого первенства. Одной из проблем, стоящих на повестке дня в процессе подготовки к Собору, является вопрос об автокефалии. Кто имеет право давать автокефалию? История содержит разнообразные примеры того, как достигалась автокефалия. В большинстве случаев она провозглашалась какой-то одной Церковью и лишь позднее, иногда после длительной задержки, признавалась Константинополем и другими поместными Церквами.

К примеру, Русская Церковь стала де-факто автокефальной в 1448 году, когда митрополит Московский был избран без согласия Константинопольского Патриарха (который в то время находился в унии с Римом). Однако лишь в 1589-1593 гг. Восточные Патриархи признали ее автокефалию. Сделано это было посредством двух посланий, подписанных не только Вселенским Патриархом, но и другими Восточными Патриархами. В этих посланиях признавался патриарший статус предстоятеля Русской Церкви, и Патриарх Московский ставился на пятое место, после четырех Восточных Патриархов.

Задержка между провозглашением автокефалии и ее признанием Константинополем могла длиться и менее двадцати лет, и более семидесяти лет. Элладская Церковь, например, провозгласила автокефалию в 1833 году, однако Константинополь признал ее в 1850 году.

Сербская Церковь восстановила свою автокефалию в 1832 году, но признана она была в 1879-м. Румынская Церковь объявила о своей автокефалии в 1865-м, но признания добилась в 1885-м. Болгарская Церковь провозгласила автокефалию в 1872-м, однако Константинопольский Патриарх признал ее лишь в 1945-м, издав Томос. Албанская Церковь объявила о своей автокефалии в 1922 году, а признана она была в 1937-м.

Грузинская Церковь представляет собой особый случай. Автокефалию ей даровал Антиохийский Патриархат в 466 году, однако ее автокефалия была упразднена русским царем в 1811 году и была восстановлена лишь в 1918-м. Московский Патриархат признал ее в 1945-м, в то время как Константинопольский Патриарх официально признал автокефалию Грузинской Церкви лишь в 1989-м, когда Томос об автокефалии был направлен Вселенским Патриархом Католикосу-Патриарху Грузии.

Все упомянутые выше Церкви датируют свою автокефалию тем временем, когда она была фактически провозглашена. По мнению Константинополя, однако, ее необходимо датировать временем, когда Вселенский Престол даровал томос об автокефалии. До недавнего времени Константинопольский Патриарх настаивал на том, что ему принадлежит исключительное право провозглашения автокефалии. Эта точка зрения недавно была высказана митрополитом Элпидофором, который заявил, что «в лице Константинопольского архиепископа мы видим уникальное соединение всех трех уровней первенства, а именно, местного (так как он является архиепископом Константинополя – Нового Рима), регионального (так как он является Патриархом) и вселенского (так как он является Вселенским Патриархом). Это тройное первенство претворяется в жизнь в виде особых привилегий, таких как право на апелляцию и право даровать и упразднять автокефалии»[16].

В процессе обсуждения этого вопроса в рамках подготовки к Всеправославному Собору было принято решение, что в будущем дарование автокефалии будет проходить на всеправославном уровне и участвовать в этом процессе будут все автокефальные Церкви. Следовательно, на томосе об автокефалии будут стоять подписи всех предстоятелей. Необходимо еще прийти к согласию относительно того, в какой форме будут следовать подписи предстоятелей в томосах, однако, кажется, был достигнут консенсус относительно необходимости участия всех Церквей в принятии решений. Само собой разумеется, упразднить автокефалию тоже нельзя без согласия всех Православных Церквей.

Возможно, этот консенсус подготовит почву для решения болезненного вопроса об автокефалии Православной Церкви в Америке. Ее автокефалия, дарованная Московским Патриархатом в 1970 году, признана лишь некоторыми Православными Церквами, хотя канонический статус ее епископов никогда не подвергался сомнению ни одной из Церквей. Этот вопрос, так же как и

другие сходные нерешенные проблемы (такие как канонический статус нынешнего предстоятеля Православной Церкви Чешских земель и Словакии), должны быть решены всей полнотой Православной Церкви. Для решения этих проблем необходимо, чтобы не только первенство, но и соборность осуществлялись должным образом на вселенском уровне. Будем надеяться, что на Всеправославном Соборе принцип соборности будет выражен в полной мере, а первенство будет осуществляться строго в рамках принятия согласованных решений.

В завершение своего выступления я бы хотел процитировать последний параграф документа «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви»: «Первенство в Церкви Христовой призвано служить духовному единству ее членов и благоустроению ее жизни, ибо Бог не есть Бог неустройства, но мира (1 Кор. 14:33). Служение первенствующего в Церкви, чуждое мирского властолюбия, имеет целью созидание тела Христова… дабы мы… истинною любовью все возращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого все тело… при действии в свою меру каждого члена получает приращение для созидания самого себя в любви (Еф 4:12-16)»[17].

Перевод с английского.

_____

[1]Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии. Записка о направлении и методах.

[2]Экклезиологические и канонические последствия сакраментальной природы Церкви. Церковное общение, соборность и власть. Равенна, 13 октября 2007. Пар. 5. Далее – Равеннский документ.

[3]Равеннский документ, 10.

[4]Равеннский документ, 43.

[5]Равеннский документ, 44.

[6]св. Игнатий Антиохийский. Послание к смирнянам, 8.

[7]Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. Далее – Московский документ.

[8]Московский документ, 1 (1, 2, 3).

[9]Свщмч. Киприан Карфагенский. Ep. 69.8, PL 4, 406A.

[10]Московский документ, 1 (1, 2, 3).

[11]Московский документ, 3.

[12]Московский документ, 1 (3).

[13]Alexander Schmemann. 'The Idea of Primacy in Orthodox Ecclesiology.' In: The Primacy of Peter: Essays in Ecclesiology and the Early Church. Edited by John Meyendorff. Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press. 150-151.

[14]Московский документ, 5.

[15]http://www.patriarchate.org/documents/first-without-equals-elpidophoros-lambriniadis.

[16]http://www.patriarchate.org/documents/first-without-equals-elpidophoros-lambriniadis.

[17]Московский документ, 6.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/50932/